

2. «Слово — важнейшая лингвистическая единица, обозначающая явления действительности и психической жизни человека и обычно одинаково понимаемая коллективом людей, исторически между собой связанных и говорящих на одном языке».

Первое — незатейливое и ни на что не претендующее определение, нужно только для оперирования с машинными алгорифмами. Оно понятно, практически полезно, но и только. Сфера его применения четко определена: письменные тексты с отмеченными пробелами и знаками препинания в языках, не имеющих отделяемых приставок.

Лингвистически это определение неудовлетворительно еще и потому, что в нем нет понятия об отождествлении разных словоформ одного слова. (Этого впрочем нет и во втором определении, так что это не дефект, специально вызванный формализацией.)

Второе — претендует на полноту, но не отличает слово от фразы или синтагмы. По нему невозможно судить, надо ли считать сочетание «железная дорога» словом или словосочетанием. Оно дает основание думать, что психическая жизнь человека не есть реальная действительность. Наконец, определение говорит об одинаковости понимания, хотя почти каждое слово имеет много разных оттенков понимания в разных слоях носителей данного языка.

Таким образом, отказ от точности отнюдь не привел автора этого определения к какой-то особой содержательности. В действительности слово есть некий интуитивно понимаемый элемент языка (и одновременно единица членения речи), для которого можно найти много разных экспликаций в точных определениях. Скорее всего ни одно из таких определений не явится исчерпывающим. Полезными же могут явиться многие определения, поскольку они указывают точную связь между понятиями, их место в системе лингвистических категорий. Мы вовсе не настаиваем, что лучшими и точнейшими должны быть формальные определения слова.

Вот пример совершенно не формального, но точного по мысли и содержательного (хотя и не исчерпывающего) определения: «Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела»⁵.

Итак, мы не настаиваем на том, что только формальные определения пригодны для науки. Существуют малосодержательные и бессодержательные формальные определения. Но это еще не свидетельствует против формализации как полезного научного метода. Полученные на сегодня формальные определения части речи, грамматических категорий и конфигурации (О. С. Кулагина, А. В. Гладкий, В. А. Успенский, И. И. Резин) вполне содержательны и плодотворны.

Разумеется, пользоваться любой формализацией нужно с толком, не забывая о содержательной стороне, о том, что формальное понятие есть одна из возможных экспликаций размытого содержательного понятия.

Формализация есть один из полезных научных приемов, повышающих точность научного описания. Поэтому бороться против формализации — значит обеднять арсенал научных средств. Приводимый Р. А. Будаговым пример из А. М. Пешковского⁶:

«он закалывается кинжалом;
он убивается бандитом»

говорит не о вредности формализации, а о том, что грамматическая категория страдательного залога может выражать различные семантические категории. Поэтому формализация только грамматической стороны

⁵ Мандельштам О. Слово и культура. — В кн.: «О поэзии», М., 1928.

⁶ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.